

Юля Алонс и Маша Сыч

Тимнастка и Искатель

Цирковая история

**Маша Сыч
Юля Алонс**

**Гимнастка и Искатель.
Цирковая история**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25557839

ISBN 9785448562921

Аннотация

Короткая история одного вечера. Бродячий цирк, громкая музыка, мерцающий свет, улыбки, сладкий манящий запах карамельных яблок. И незванный гость-скиталец, случайно перевернувший все с ног на голову.

Содержание

Глава 1. Гимнастка	5
Глава 2. Искатель	10
Глава 3. Гимнастка	15
Глава 4. Искатель	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Гимнастка и Искатель

Цирковая история

Юля Алонс

Маша Сыч

© Юля Алонс, 2017

© Маша Сыч, 2017

ISBN 978-5-4485-6292-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Гимнастка

Здесь всегда так: душно, пыльно и много людей. Мы не актеры, у нас нет отдельных примерок, отдельных комнат и букетов желтых тюльпанов в персональных вазах.

У нас повсюду крики, рыки и ржание лошадей. Но мне тут нравится, я не видела другой жизни.

Меня зовут Лина, приятно познакомиться. В нашем цирке меня знают все, мой отец – его директор. Ничем более я не особенная. Разве только что выгляжу причудливо при своих светлых волосах и черных бровях. Ах да, еще у меня постоянно сухие и обветренные губы – чудное пристанище для лихорадки, ледяные руки и детский голос. Также я умею рисовать города на теле.

Ночью, когда мне становится грустно, я часто рисую у себя на запястье или на колене дворцы и сады, жаль, что бесцветные. Пожалуй, это все, что я могу о себе сказать. Потрясающая характеристика, скажете вы? Но что поделать, мне всего семнадцать лет и со мной никогда ничего не случилось. Если, конечно, не считать того великолепного падения с высоты, когда я ударилась головой о землю. Палаточный брезент, скажу я вам, меня не спас. Получите – распишитесь, теперь я – косоглазый уродец, правого ока которого «нет на месте» каждый раз, как я задумуюсь.

Да, я воздушная гимнастка. Уже четыре года как. До этого

я только лишь подавала воду дрессировщикам, по четвергам кормила львов и тренировалась, тренировалась, тренировалась...

Как говорил кто-то умный (то есть, это мог быть любой, кроме меня): «если долго мучиться – что-нибудь получится». Я мучилась, впрочем, не могу назвать это мукой, довольно долго, и, поэтому, сейчас моя главная задача: не свалиться с качелей, когда паришь почти под куполом цирка, и держать баланс, когда ходишь по канату. Это незабываемое чувство. Каждый раз как в первый: сердце стучит так громко, что кажется, его биение слышат почти все; зрители сидят с открытыми ртами, и я почти ощущаю, как пальцы моего папочки впиваются ему в кожу. Он боится за меня даже больше, чем я сама.

В общем, если балансировать на канате у меня получается, то с душевным равновесием мы часто не находим общего языка.

Все мои парни (а их было целых трое!) говорили, что я витаю в заоблачных высотах и хочу от них чего-то совершенно невыполнимого. А это все неправда, неправда все это! Я просто хочу попасть в ту страну, которую нарисовала вчера ночью на правом плече.

Они говорят, я – «капризный ребенок», но я им не верю. Я верю только своему папе, а он говорит, что я – прелесть.

Все эти парни достались мне от Сюзи, рядом с которой я выгляжу абсолютно бесцветной, бесполезной и пустой. Но я

люблю ее.

Сюзи, она же Сюзан, – моя соседка по спальне. Она потрясающая и сводит меня с ума. Впрочем, не только меня. За ней бегают все парни нашего далеко не маленького цирка, парочку она с барской щедростью подарила одинокой мне. Но это было все не то, это все было пресно и пошло, настолько не так, как мне хотелось, что слезы наполняли мои светло-карие, глупо-детские глаза каждый раз, как они ко мне прикасались. После этого я и стала «капризным ребенком», «глупой девчонкой», «недо-ассоль» и даже «уронившей мозги».

А Сюзи... Она – богиня. Носит пышное каре, хитро щурит глаза и облизывает острым язычком обсохшие губы. Сюзан – младшая дрессировщица, укротительница тигров – это звучит эротичнее. И сама она похожа на кошку. А еще она француженка по национальности и хищница по званию. Иногда я удивляюсь стойкости наших парней. Не знаю, каким образом я бы держалась на их месте.

Мы с Сюзи любим друг друга, но это не мешает нам рассориться на неделю и строить друг другу чисто женские каверзы.

Сейчас она подкрашивает свои прелестные губки перед зеркалом, а я в это время нервно дорисовываю на правой ноге ночной парк с тускло горящими фонарями, старыми лавочками и белыми голубями, важно гуляющими по асфальту. И как это уместилось на моей худющей кривой ноге?

Вот кто-то позвал Сюзи и она, причмокнув губами, улетила на зов. Я, осторожно ступая, подошла к ее столику и, положив на него ногу, взяла ее тушь. Мне нравится тушь Сюзи: густая и очень черная. Если правильно ею пользоваться, то получаются потрясающие тени.

Увлечшись разрисовыванием самой важной моей части тела, я потеряла бдительность и оторвалась от своего занятия только тогда, когда вернувшаяся Сюзи объявила:

– Твой выход через пять минут, милая. Смой с себя географию и удачи тебе, – про тушь она не сказала ничего, и я снова почувствовала, как сильно люблю ее... Правда, я не совсем поняла, при чем тут география, но разве это так важно?

Я стою за кулисами и сердце уже начало паниковать. С тринадцати лет, год за годом, день за днем, я стою тут с каменным лицом и сжатыми кулаками – ничего не меняется. Но сегодня напал какой-то особый «столбняк», как будто все чувства атрофировались и только одна, несуществующая частичка тела, имя которой «д у ш а» ноет и плачет отчего-то.

Я бы и не заметила объявления своего выхода, если бы Сюзи не толкнула меня. Мои бедные ватные ноги, как же вы добредете до сцены?!

Очень светло. Гримерка такая темная, а на сцене светло... В углу стоит Артем, наш холодный красавец, которого не узнать в этом фиолетовом кудрявом парике с этим отвратительным красным носом. Если бы я не знала его с само-

го детства, никогда бы не поверила, что у него может быть такой тонкий голос и острое чувство юмора. Вот только глаза у него оставались такими же холодными. Он улыбнулся, и мне стало легче.

Осталось добрести до родных качелей, которые, как только я сяду, тут же взмоют в воздух под мою любимую музыку. Я не знаю, что будет дальше: тело помнит, а я – нет.

Села. Я – молодец. Вчера я тоже села. И позавчера. И вчера, и позавчера я также оглядывала зрителей и чувствовала то же накипающее раздражение и недоумение, видя детей, жующих попкорн, влюбленные парочки, занятые собой и недовольных бабуль, которые взирают строго, заранее готовясь скривить губы.

Но ни вчера, ни позавчера я не видела его.

Глава 2. Искатель

Я иду. Не очень оригинальное занятие, но иногда мне кажется, что это лучшее, что я могу, да и вообще мастерски умею. Какая-то неведомая сила не позволяет мне сидеть на месте, побеждает все доводы разума, природную лень и всякие там обстоятельства, и несет куда-то дальше. Куда, я не всегда знаю, да и не так уж это важно. Мне определенно нравится приходить, а чтобы куда-нибудь прийти, нужно, как минимум, откуда-нибудь уйти. И я ухожу, очень качественно ухожу, так качественно, что никогда не возвращаюсь. Возвращаться мне, кстати, совсем не по душе.

Отец мой – простой деревенский кузнец – не совсем разделял мои убеждения. Брызжа слюной и размахивая руками с широкими загрубевшими ладонями мастера, он кричал, что у него в семье никогда не было таких легкомысленных дураков, как я, и что если я не изменюсь, и не начну задумываться о будущем, то не видать мне жизни, то есть вообще никакой. Но я живу вопреки его мрачным предсказаниям, живу вот уже двадцать два года, и надеюсь, это не предел моих бездарных возможностей.

Однажды отец, в очередной раз пытаясь меня вразумить и наставить на путь истинный, сгоряча воскликнул, что я, может, и не сын ему, мол у моей мамочки было богатое прошлое. И тогда я первый раз ушел, ну а возвращаться мне ка-

тегорически не нравится, я уже говорил. Не знаю, возможно, он был прав: мы разные даже внешне, его жесткие кудрявые волосы цвета мокрой дубовой древесины и темные, почти черные глаза, действительно не имеют ничего общего с моей взъерошенной рыжевато-светлой головой и зеленовато-серыми как вода в лесном озере зрачками.

Но сейчас все это неважно. Я не ценю прошлое, хотя бы потому что оно п р о ш л о. Исчезло, растворилось, нет больше, да и вряд ли будет. А вот я есть, весь такой прекрасный и удивительный с расцарапанными руками и усталыми глазами. Нет, довольно глубокие царапины на руках это не боевые раны и даже не следы противостояния с какой-нибудь там лесной дикой кошкой, а всего лишь неудачный опыт общения с ежевичным кустом. Черт меня дернул лезть в тот овраг. Помимо меня есть небольшой городок, название которого я так и не удосужился узнать, но по широким улицам которого я брожу вот уже часа полтора, шуршащие под ногами мелкие сырые после утреннего дождя камни, подползающее к горизонту солнце и запах чего-то теплого и сладкого. Запах этот, к слову, преследует меня уже минут двадцать, и это определенно добрый знак. Я вообще больше привык доверять собственному обонянию, нежели органам зрения и слуха, запахи не обманывают.

Передо мной цирк. Ну надо же, какая удивительная удача посетила меня на исходе дня. Я приятно удивлен, слегка счастлив и даже, можно сказать, польщен таким благосклон-

ным ко мне отношением внутреннего голоса, который двумя часами ранее тихо, но настойчиво посоветовал мне задержаться в этом провинциальном городке. И потому я все же подхожу к большому цветному шатру, я даже плачу за вход, чего обычно не удосуживаюсь делать – сегодня мне отчего-то хочется, чтобы все было правильно.

Зыбко, громоздко, избыточно. А еще шумно, людно и как-то празднично что ли – вот что для меня цирк. Здесь душно, пахнет сахарной ватой, лошадьми и чем-то волшебным, мне не разобрать. Среди разномастных предметов мебели, служащих местами для зрителей, выбираю старый жесткий стул с подлокотниками, покрытый некогда дорогим, но теперь изрядно истертым бордовым бархатом. Жду. Я не люблю ждать, но сейчас мне нравится восседать на этом некогда дорогом стуле и наблюдать за мельтешением, хаосом, яркой жизнью цирка. Я даже чуть прикрываю глаза, а может, и засыпаю, определение границы между полупрозрачным сном и явью всегда давалось мне с трудом.

Представление начинается неожиданно – для меня. Гремит музыка, блестят и переливаются костюмы клоунов, дрессировщиков, акробатов, слепит глаза дивный свет, хлопают зрители. Я слушаю, смотрю, чувствую запахи, и у меня кружится голова. Но я не встаю, не ухожу, сладкий этот водоворот напоминает мне давешний сон, теперь я понимаю это совершенно точно, теперь я помню его настолько отчетливо, насколько вообще можно помнить сны. Поэтому я оста-

юсь, и не зря – после артистичной укротительницы тигров с хитрой улыбкой на арене появляется она. Нет, она действительно появляется, а не просто выходит из-за тяжелого занавеса – должно быть я просто отвлекся, дурак этакий. Она почему-то приковывает к себе внимание, не знаю, всех или не всех, но мое точно, и этого вполне достаточно. У меня не замирает сердце, не перехватывает дыхание, нет и каких-либо других признаков временного помешательства, мой организм абсолютно спокоен и умиротворен, только вот я почему-то не в силах оторвать от нее взгляда. Точные плавные движения, легкая, немного наигранная улыбка, яркие глаза, тонкие запястья, да вот собственно и все, что я мог бы о ней сказать. Она, конечно же, не может увидеть меня и мои горящие глаза, мне даже кажется, что сейчас меня никто не может увидеть. Я и сам не заметил, как превратился в местного безумного призрака, забыл прошлое и решил, что останусь здесь навсегда – буду изредка являться укротительницам и клоунам во снах, но той воздушной гимнастке чаще всего, обещаю. Такие вот глупости.

Но мечтам моим не суждено сбыться. Прерывается волнующая мелодия, гимнастка исчезает за тяжелым занавесом, номер заканчивается, а вместе с ним и все представление. Я вновь обретаю способность слышать, чувствовать и понимать происходящее, улыбаюсь собственным мыслям, качаю головой, наваждение какое-то. И неожиданно понимаю, что не смогу уйти, пока не увижу ее, пока хотя бы не узнаю, как

ее зовут, и любит ли она море. Мне почему-то именно это кажется важным.

Глава 3. Гимнастика

Даже когда мои жесткие качели поднялись и громкая, бьющая по мозгам, музыка сменилась медленной, немного грустной и тягучей как нуга, я еще не пришла в себя: в голове стеной стоял гул, и жизнь как будто протекала за тонким стеклом, протекала медленно, а, самое главное, мимо. На моем же лице было исключительно бессмысленное выражение.

В общем, я начала. Сегодня это не так просто сделать, скажу я вам, за мной наблюдают сотни пар глаз, но одних, самых важных глаз, серых, как вечерне-осеннее небо, глаз моего отца, нет. Он болеет, и я чувствую, что стараюсь вхолостую. Как будто, если барышни-модели, сошедшие со страниц модных журналов Сюзи, позировали ради «просто так», а не фотографу, который смотрит на них довольно, словно дрессировщик на глупых кудрявых пуделей...

У меня руки струятся. Точнее, руки у меня абсолютно нормальные, не подумайте, но дурацкий костюм сделал из них почти что крылья. И не просто крылья, а еще и с блестками. Это неспроста, точно вам говорю. Я ухнула вниз, в последний момент зацепившись коленями за дощечку качелей, а они, качели, все витали и витали, раскачиваемые моими немислимыми, произвольными, но энергичными телодвижениями. Я в восторге от себя и от музыки,

от музыки и от себя, от нас двоих, которые уже успели слиться воедино. Сейчас, именно сейчас пройдет волнение, которое вызвал во мне юноша в первом ряду, выглядевший растерянным и чужим, всегда чужим. Сейчас мурашки испугаются высоты и покинут меня, перебегут к кому-нибудь из зрителей снизу. Сейчас скрипка, которая до этого прекрасно послушно и кротко аккомпанировала какому-то глубокому и тревожащему инструменту, название которого я постоянно забывала, громко зарыдает. Мой музыкант дернется и замрет на месте с блаженным выражением лица, а я изогнусь так, что вполне смогу упасть, мои костлявые коленки возможно уже не смогут с силой сжимать жесткую дощечку. А я... А я в это время как ухну да как ухвачусь за веревки сильными руками и притяну к себе все тело, пару секунд летая стоя и в такт стучась спиной о бесчувственный кусок дерева!

Вот она! Я слышу ее. Жалобный плач скрипки растет, грозясь перерасти в истерику и перебить все тарелки в доме. Он вибрирует, и я, возбужденная, облизываю обсохшие губы, вспоминая, что сейчас привлеку к себе максимальное внимание, подтянув тело к себе и перевернувшись с ног на голову, внезапно, неожиданно, не успев досчитать до десяти. Это всегда получается быстро, кровь в голову, ногти впиваются в нитки, а глаза, которые я специально держу широко открытыми, задыхаются от толстого потока воздуха. Он, тот самый из первого ряда, образ которого сидит в голове, за-

держит дыхание и перестанет моргать, наслаждаясь от боли в глазах. Он точно-точно будет переживать, я же заставлю. И в моей голове появляются такие безумно-сладкие мысли, которые никогда бы не пришли мне в голову раньше, до того, как я его увидела. Только, скрипочка, милая, не подведи.

Звук вибрирует, вибрирует и... обрывается. От неожиданности я тоже обрываюсь, в нелепой позе, с выгнутой спиной и коленями на уровне лица. Скрипач не должен был этого делать, зачем? Сидит, наверное, сейчас, судорожно сжимая смычок, глаза открыть не смеет. Прислушивается к тому хаосу чувств, что заполнил его без предупреждения. У нас в этот момент одна душа на двоих, он знает. Я даже репетировать в полную ногу без него не могу, а он – без меня.

То, что творилось в моей темной еще душе, передалось ему и ошеломило. Ты играй, милый, играй. Это же пройдет, верно? Скоро пройдет, а пока твоя тишина – и я падаю.

Пусть это все длилось лишь пятую часть от мгновения, я живо представила, как лежу на брезентовом полу, разбитая и глупая-глупая-глупая, зрители переговариваются между собой. Изредка доносятся до уха хохотки. Они все уходят к мороженщику, лижут шоколадные и ванильные шарики в вафельных рожках. А тот из первого ряда скользит взглядом по мне, быстро-быстро, и молчит.

Он ведь всегда молчит, правда?

И уходит. Далеко, туда, куда даже мои сны не забредают.

Я почти уже упала, и духовно, и просто – носом вниз,

когда меня поддержал мой милый скрипач, который всегда умел открывать глаза тогда, когда не хочется.

Это ведь можно перевести в разряд трюков-обманок, настолько обманчивых обманок, что даже и саму гимнастку обмануть могут? Только не рассказывайте папочке, я вас умоляю, он же не переживет!

Разве я смогу выступить дальше? Красная, с перекошенным лицом (интересно было бы сейчас увидеть себя в зеркале, ха!) и расширенными зрачками, сердцем, бьющимся в горле и ноющей ногой? И куда ни взглянешь – всюду люди, и все они, черт возьми, смотрят на меня, а не занимаются собой, как обычно. Зато за кулисами точно стоит Сюзи, бледная и встревоженная, ее окружает туча кавалеров, которые то и дело заглядывают ей в глаза и предлагают стакан воды.

Никогда я еще так не ждала конца своего выступления, в меня словно вгрызлись сотни зубов. Хотя нет, не вгрызлись, а всего лишь раздражающе покусывают, тянут вниз. Тело ноет. Тем временем, я с ужасом представляю, как придется еще раскланяться и убежать, легко и неспешно, когда ноги несут тебя от людских глаз куда быстрее, чем хочется.

Я честно стараюсь думать о чем-то отвлеченном, пока музыка затихает и качели несут меня вниз, к земле под ногами. Но этот свалившийся мне на голову, такой нужный мне и в то же время появившийся так не вовремя, зритель не выходит у меня из головы. Даже, когда я закрываю глаза, образ всплывает в памяти. Да нет, не всплывает даже, а п о я в л я

е т с я, настолько он четок. Мерлин, как же меня раздражает и злит его дурацкое неожиданное появление, отрешенный вид и взгляд внутрь. Если он также смотрит на свою девушку – я искренне ей сочувствую. Как, наверное, каждый раз сбивается с ритма ее несчастное сердце, ха-ха! Но мне отчего-то не нравится его девушка, мне кажется, что она страшненькая. И имя у нее наверняка глупое. А он, скорее всего, любит ее и дарит цветы. Оно ведь всегда так, ага.

Я кланяюсь быстро и часто. Аплодисменты гуще, чем должны были быть. По-моему, даже преувеличенно громкие, хотя, вполне возможно, что мне только кажется. Я резко поворачиваюсь и закрываю глаза, ведь чем меньше я его вижу, тем быстрее он выветрится у меня из памяти, правда?

Несусь к кулисам, быстро-быстро, перескакивая с ноги на ногу, и натываюсь на Сюзи. Она улыбается неуверенно, а я бросаюсь к ней в объятия и призываю слезы. Но они не идут, встали комом в горле и издеваются. Ни сглотнуть, ни сказать, ни слова. Я уткнулась сухо шмыгающим носом ей в плечо и нарочно стиснула зубы, не доверяя шершавому комку внутри меня, который в любой момент может протиснуться еще глубже, внутрь и тогда уж мои слезы зальют блузку Сюзи. Вот парни, наверное, обрадуются, когда увидят ее насквозь мокрой, а я им такой возможности не дам. Мне одной одиноко страдать.

Моя подруга бормочет что-то про поклон, и я осознаю, что снова надо выходить, снова улыбаться и может быть да-

же принимать цветы. Я отчаянно мотаю головой и для убедительности отстраняюсь от нее, размахиваю руками. Сюзи некоторое время недоуменно смотрит на меня, а потом, пожав плечами, выходит.

Я уже несусь в гримерку. Прислоняюсь к двери и сползаю по ней картинно. Медленно-медленно, наэлектризованные волосы шуршат и стоят дыбом, а глаза закатываются совсем уж смешно, но после этого обычно становится легче. А самое главное, что в гримерке тишина. Ее нарушает только стойкий запах духов, который висит густо и плотно, но они настолько вкусные, что им можно.

Я полусижу, полулежу, полусплю, полуживу, мой взгляд расфокусирован и бродит по комнате в поисках тарелок, кружек, фарфоровых кукол и чего-либо другого, что можно грохнуть об пол. Я не истеричка, что вы, но так давно мечтала сотворить что-нибудь этакое, что не воспользоваться случаем было бы кощунством. Увы и ах, ни одного хрупкого и ценного предмета во всей комнате так и не сыскалось, мое показательное выступление закончилось, так и не начавшись.

Я кинула взгляд на ногу, где разместились злосчастные голуби и голубки, которые прохаживались мимо старых, исписанных признаниями в любви, лавочек и клевали носом землю. Интересно, зачем они это делали? Может, голодные? Или это самцы так выставляются перед самочками, которые делают вид, что их ничего не интересует, кроме той моло-

дой парочки, которой на рисунке, к сожалению, не было, но она обязательно существовала и манила голубок на семечки. А несчастные голуби выдвигались и так, и этак, но какая тут романтика, на голодный желудок?

Чем-то эти несчастные напоминали меня. Но я не птица, во мне куда больше злобы, сил и мозгов. И сейчас я уничтожу этот рисунок, медленно-медленно, начиная с того неудавшегося фонаря. Потом нажму пальцем на голубку и снесу ей голову, повергнув голубя в шок. Прочь лавочки! Зачем они нужны в парке где одни влюбленные?

И эти ужасные осенние листья.

Это такое удовольствие – срывать на других, что я тут же пришла в гармонию с собой и даже замурлыкала папину любимую колыбельную под нос, изредка морщась, когда тушь вместо того, чтобы просто стереться, размазывалась на полноги. Впрочем, этим можно было пользоваться. Рисовать рожицы и хохотать над выражениями их черных, незаконченных лиц. Вдруг, прервав мой смех, раздался тихий стук в дверь – раз, два, три.

Глава 4. Искатель

Да, представление закончилось, но я почему-то не спешу вставать. И хлопать тоже не спешу, выражение моего лица, наверное, тоже никак не изменилось, и глаза все так же горят. При всем при этом мне так спокойно, хорошо, уютно даже, будто вокруг не гудящий, громко выражающий восторги народ, а, по меньшей мере, летний утренний лес. В лесу мне иногда бывает гораздо спокойнее, нежели в окружении людей, правда это совсем не означает, что я любитель спокойствия.

Смотрю на опустевшую арену, жду чего-то, логически мыслящее сознание подсказывает, что должен быть еще финальный выход, ну там поклоны, радостные улыбки, цветы. Но оно не право, врет оно, врет и не спешит краснеть, удивительно наглое у меня сознание во время коротких минут логических размышлений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.